

что различие, которое он делает между наукой и жизнью, между разумом и чувством, не отличается ни глубиной, ни новизной. Некоторые обвинения г. Шестова против науки и философии совершенно неосновательны; таково, например, старое и ложное утверждение, что «кёнигсбергский профессор Кант “мыслил” до тех пор, пока по пути... не отрубил голову Богу... Ему Бог помешал, Он стал на пути к системе, и философ с таким же спокойствием уничтожил Его, с каким создал свою “Ding an sich”. И убивши Бога, он легко и беззаботно продолжал жить, т. е. мыслить до глубокой старости».

Р. ГЕБГАРД

Гамлет*

В 1898 году вышла в свет книга датского критика Георга Брандеса «Уильям Шекспир», в которой автор задался целью посредством подробного разбора всех драм Шекспира восстановить перед нами личность поэта в возможной полноте и для каждой драмы в отдельности найти в Шекспире соответственное настроение в данный период его жизни.

В ответ на это сочинение в том же году вышла книга русского критика г. Л. Шестова, озаглавленная «Шекспир и его критик Брандес», в которой г. Шестов, возражая Брандесу, находит его взгляды и всю систему его книги несостоятельными.

Разбор и критика этих сочинений, конечно, выходит далеко за пределы журнальной статьи. Заметим лишь, что относительно Гамлета взгляды русского и датского критиков диаметрально противоположны. Брандес, отождествляя Шекспира с личностью Гамлета, уверяет нас, что устами Гамлета говорит сам Шекспир; Гамлет, по его мнению, излюбленное детище поэта. Все свои личные взгляды на жизнь, всю свою жизненную мудрость, все жгучие, мучительные вопросы жизни Шекспир выразил в этой пьесе и оповестил миру устами датского принца.

По мнению г. Шестова, это не так. Шекспир вовсе не симпатизировал и не сочувствовал Гамлету; в его глазах Гамлет не более как слабый и жалкий человек, не знающий жизни, не способный ни к чему, кроме праздного философствования. Погрузившись в книги и науку,

---

* Очерк г. Гебгарда, молодого русского шекспиолога, заслуживает бесспорного внимания как попытка критически отнестись ко многим ходячим представлениям об этом мировом характере. Разбор г. Гебгарда представит много интересного и для артистов, и для публики. — *Прим. ред. журнала «Театр и искусство»*

он, вследствие этого, стал неспособным к действительной жизни; он «читающий тунейдец», каковым эпитетом, впрочем, Шестов награждает не только Гамлета, но и самого Брандеса. Когда умирает Брут, то Антоний над его трупом говорит:

Прекрасна была жизнь Брута; в нем стихии
Так соединились, что природа может,
Восстав, сказать пред целым миром: «это
Был человек».

Про своего покойного отца сам Гамлет говорит:

Да, он был человек во всем значеньи слова,
Мне не найти подобного ему¹.

«Почему же, — спрашивает г. Шестов, — почему Горацио, все время безмолвствовавший и впервые открывший свои уста после смерти принца, говорит о чем угодно, только не о том, что Гамлет “был человек”, что “его жизнь была прекрасна”?»

Но неужели от внимания г. Шестова ускользнуло то, что над трупом Гамлета Горацио говорит:

Вот сердце благородное угасло!
Покойной ночи, милый принц, спи мирно
Под светлых ангелов небесный хор!

Название человека «благородным сердцем», во всяком случае, не меньшая похвала, чем эпитет «человек». Но поэт этим вовсе не ограничивается. Когда Офелии кажется, что Гамлет впал в полное умственное расстройство, она восклицает:

Какой благородный дух погиб здесь!
Воителя отвага,
Ум мудреца, способность царедворца,
Отчизны цвет, надежда всей страны,
Прекраснейший пример для подражания...

Здесь уже поэт положительно не знает предела при перечислении всех доблестных качеств, всех лестных эпитетов, которыми он наделяет своего героя. Он все в одном лице: воитель, царедворец и мудрец; это высшая похвала человеку. Офелия при этом думает, что все названные качества в Гамлете уже погибли навсегда. Но мы знаем, что Офелия ошибается, так как Гамлет в действительности в здравом уме, и в его характере никакой существенной перемены не произошло. Поэтому если он раньше обладал этими способностями, то он обладает ими и теперь.

Датский народ любит Гамлета. В четвертом действии король недаром объясняет Лаэрту, что он не решается выступить решительно против Гамлета, дабы этим не возбудить ропота и негодования народа, который беспредельно предан Гамлету. Таким образом, оказывается, что Гамлет в Дании популярная личность. Датский народ признает за ним великие достоинства, хотя Шекспир и не говорит нам, какие именно.

Далее Лаэрт, злейший враг Гамлета, у которого Гамлет убил отца, сестру которого Гамлет довел до сумасшествия, чувствуя приближение смерти, говорит: «Обменяйся со мной прощением, благородный Гамлет!» Из уст умирающего врага это слово должно конечно иметь великое, совершенно особое значение.

Мало того, после смерти Гамлета другой враг и противник его, Фортинбрас, уверяет нас, что Гамлет

Все величие царское явил бы,
Когда б остался жив».

Таким образом, невинная девочка Офелия, спокойный философ Горацио, рыцарь чести Лаэрт, суровый воин Фортинбрас, наконец, весь датский народ — все эти лица, не имеющие между собой ровно ничего общего, сходятся в одном: они всегда лестно и с высоким почтением отзываются о личности Гамлета. Ни в одной драме Шекспира мы не слышим столько лестных суждений о личности героя из уст окружающих его лиц. Поэтому, вопреки мнению Шестова и вполне соглашаясь с Брандесом, мы должны признать, что нет характера, который был бы так близок сердцу Шекспира, с которым бы он настолько слился, как Гамлет.

Вопрос о том, как относился к Гамлету сам Шекспир, может, таким образом, считаться решенным. Но нерешенным остается другой вопрос: что такое Гамлет?

«Великое дело возложено на человека, которому не дано от природы сил к совершению его», — сказал некогда Гёте². К этому мнению всецело присоединяется и знаменитый толкователь шекспировских драм Гервинус³, который анализируя драму, следует при этом великому немецкому поэту, как верный оруженосец следует своему рыцарю, и при этом уверяет нас, что теперь никому не приходит желание прибавить что-нибудь к тому определению, которое дал Гёте. Это воззрение затем упрочилось и ныне стало общим местом как среди литературной критики, так и среди читающей публики. Дань этому воззрению отдал и г. Шестов, который, подобно Гервинусу, развивая и обобщая вышеприведенную мысль Гёте, приходит к выводу, что Гамлет не способен не только к совершению возложенной на него задачи, т. е. к кровавой мести, но и к действию вообще.

Между тем как ни общераспространенно это мнение, оно нам кажется неверным. Упорно и постоянно шествуя по стопам Гёте, на-

учная критика, по нашему глубокому убеждению, приняла неверное направление.

Начать с того, что мнение Гёте страдает неполнотой. Когда нам говорят, что Отелло человек, убивающий свою жену из ревности, что Макбет и Ричард III люди, стремящиеся к престолу и к власти и с этой целью совершающие целый ряд убийств, что Шейлок кровожадный еврей-ростовщик, готовый изрезать на куски тело своего должника-христианина, что Леди Макбет демонически злая женщина, подстрекающая своего мужа к совершению кровавых злодеяний, то все это ясно и определено, так как здесь указывается на определенные действия всех этих лиц и на определенные свойства их характера. Но когда нам говорят, что Гамлет — это человек, не способный выполнить возложенную на него задачу, «вызванный на мщение и тем не менее не мстящий», то это и неопределенно, и неполно, ибо одно указание на то, чего человек не делает, не дает нам никакого представления о его характере, о том, что это за человек.

Но, независимо от этой внешней неполноты, мнение это нам кажется неверным и по существу.

«Гамлет неспособен к мести». Разве? В конце пятого действия Гамлет яростно бросается на короля, закалывает его на месте и затем одной рукой хватая за горло сопротивляющегося и громко взывающего о помощи короля, другой рукой берет кубок и, насильно вливая королю в рот тот яд, который был предназначен для него самого и говорит ему: «Здесь убийца, кровосмеситель, проклятый датчанин! Пей этот яд! Следуй моей матери!» Король умирает.

Казалось бы, что тень покойного короля, каждую ночь блуждающая около дворцовой террасы и не находящая покоя в могиле, может теперь возвратиться в эту могилу и почить вечным, мирным сном, ибо сам этот мужественный король-воин, король-богатырь, не мог бы даже придумать более страшной и жестокой мести.

И тень действительно успокоилась, но не упокоилась литературная критика, до наших дней упорно продолжающая видеть в Гамлете человека сильного только на словах, но неспособного к действию.

Указывают на то, что Гамлет, хотя и мстит, но мстит слишком поздно, что благодаря его нерешительности и его постоянным колебаниям в конце концов погибают все одинаково — и виновные, и невинные, что Гамлет в последнюю минуту убивает короля только из личных видов, в порыве внезапно возникшего в нем раздражения, а не по приказанию покойного отца, как бы следовало.

Все эти возражения, однако, лишены основания. Гамлету не назначен никакой срок для исполнения мести. Если в конце драмы сцена походит на поле битвы с многими невинными жертвами, то в этом виновен не Гамлет, а король, так как и королева, и Лаэрт, и Гамлет погибают от яда, приготовленного королем. Наконец, Гамлет, убивая

короля, произносит многозначительные слова «кровосмеситель», «убийца» и «датчанин», из чего ясно видно, что он убивает короля не за какую-нибудь обиду, нанесенную ему, Гамлету, лично, а за преступление, т. е. за кровосмешение и убийство, совершенные им в качестве короля Дании. Гамлет сознательно исполняет свою высокую миссию.

«Гамлет неспособен к действию». Это положение совершенно не мирится с происходящими в драме фактами. Гамлет бросается на Полония, думая, что это король, и закалывает его на месте. Он преспокойно шлет на верную смерть своих школьных товарищей Розенкранца и Гильденштерна, предварительно совершив с этой целью хитрый подлог. Он мужественно вступает в схватку с корсарами, один впереди других заходит на корсарский фрегат и попадает в плен.

Если Шекспир действительно хотел изобразить Гамлета неспособным к действию, то тогда, в виду имеющихся на лицо фактов, его придется упрекнуть в большой непоследовательности при изображении главного характера драмы, так как этот якобы неспособный к действию человек совершает целый ряд таких действий, для которых требуется быстрая решимость, мужество и рассудительность, доходящая до коварства и жестокости. Ни «бледность мысли», ни размышления при этом не мешают ему действовать. Вопреки собственным его словам, воля в нем не блекнет и не бледнеет.

Напрасно при этом уверяют нас, что Гамлет действует только под влиянием каких-то внезапных внушений или в состоянии крайнего раздражения, не отдавая себе отчета в своих действиях. Еще до отъезда в Англию он предупреждает свою мать, что против интриг Розенкранца и Гильденштерна он примет свои меры, под их подкоп он подведет другой, аршином глубже. Этот план детально обдуман.

Очень много говорили, писали и рассуждали о том, что мог бы совершить Гамлет и чего он не совершил. Но то, что он действительно совершил, осталось недостаточно разъясненным и отчасти непонятым.

В доказательство своей основной теории о неспособности Гамлета к мести все критики, начиная с Гёте и кончая Шестовым, приводят почти исключительно некоторые его монологи, в которых, действительно, Гамлет обвиняет себя в лени, бездействии, трусости, отсутствии энергии и решительности. Но как ни ярко высказывает Гамлет эту мысль в своих монологах, принять их за доказательство вышеупомянутого мнения мы не можем по следующим причинам.

Из одного факта, что Гамлет упрекает самого себя, еще не следует, чтобы эти упреки были заслуженными. Такой вывод был бы преждевременным не только относительно Гамлета, но и относительно всякого человека вообще. Упреки эти только тогда могут иметь значение, когда они находят себе подтверждение в действиях данного лица. Но Гамлет, как мы уже видели, свои слова постоянно опровергает своими же действиями.

Как уже заметил Брандес, эти самоупреки Гамлета не выражают ни воззрения Шекспира на Гамлета, ни приговора над ним; они не доказывают его вины. Это совершенно верно. Но Брандесу следовало бы прибавить, во-первых, что почти во всех из этих монологов Гамлет высказывает логические несообразности, лишаящие эти монологи всякого значения, во-вторых, что в своих самообвинениях Гамлет не знает границ и постоянно впадает в преувеличение.

В самом главном монологе — «Быть или не быть» — Гамлет ничего не говорит о мести. Между тем он высказывает здесь решительно все, что его мучит; здесь и бич и посмеяние века, и бессилие прав, и притеснение тиранов, и обиды гордого, и забытая любовь и презрение к заслугам, но о мести, о короле мы не слышим ни слова. Не значит ли это, что он эту месть или забыл, или считал неважной? Ведь если месть и совершится, то мрачная картина жизни, которую рисует нам Гамлет, не станет от этого светлее.

В конце второго действия Гамлет, выслушав декламацию актеров, завидует им за их способность потоплять сцену в слезах, действовать своей игрой на ум и сердце слушателей, воодушевляться Гекубой, чем-то отвлеченным, для них совершенно чуждым. Но эта зависть совершенно безосновательна. Гамлет сам только что воодушевлялся Гекубой, воодушевлялся до крайности, декламируя «сурового Пирра», так красиво и выразительно, что даже тупой Полоний должен был воскликнуть: «Превосходно, принц, прочитано мастерски, с ударением, с чувством!» Но если у него такой драматический талант, почему же он завидует актеру? И при чем, вообще, здесь актеры, когда речь идет о необходимости совершить месть, кровавую месть!

В четвертом действии Гамлет отправляется в Англию, встречается с войском Фортинбраса. При виде этих 20000 человек, вооруженных до зубов, Гамлет впадает в длинные рассуждения о том, что мы должны развивать наш богоподобный разум, иначе он истлеет и мы превратимся в животных. Но какое отношение имеет богоподобный разум к этому двадцатитысячному войску, для нас совершенно непонятно. «Велик тот истинно, кто без великой цели не восстает», — говорит Гамлет, между тем эти воины восстали именно без великой цели, «из-за скорлупы», как он сам говорит. Велик тот истинно, «кто бьется за песчинку, когда задета честь»; но у воинов честь не задета, и не из-за чести они бьются. В чем же состоит «великий пример», поданный будто бы этими воинами?

Произнося эти монологи, Гамлет находится в состоянии раздражения, при этом преувеличивает и искажает факты. Одни уже эти логические несообразности делают эти монологи непригодными для характеристики Гамлета. Но, независимо от сего, монологи не разрешают нам и самого основного вопроса. Намерен ли вообще Гамлет мстить? Если Гамлет в течение первых четырех действий не мстит,

имея к этому полную возможность, то не потому ли, что он этой мести не желает, что он сам в ней не заинтересован? Если он не мстит, то происходит ли это от неспособности к мести или от нежелания мстить?

Для того чтобы ответить на этот крайне существенный и поныне недостаточно разъясненный в литературной критике вопрос, мы предварительно постараемся дать краткую характеристику самого Гамлета. Для этого мы не встречаем надобности в анализе всей драмы, так как уже в первой сцене характер Гамлета достаточно ясно очерчен. Шекспир обыкновенно с первой же сцены ясно и определенно намечает характер действующего лица, ибо характер этот не развивается у него под влиянием внешних событий, а составляет нечто постоянное, наперед данное. Подобно тому, как Ричард III, только что выступив на сцену, произносит слова: «Я решился быть злодеем» и этим самым намечает в виде как бы программы весь дальнейший ход пьесы, так и здесь в первой сцене перед нами уже весь Гамлет, и из первого произнесенного им монолога, начинающегося словами:

О, если б вы, души моей оковы,
Ты, крепко сплоченный состав костей,
Ниспал росой, туманом испарился...

уясняются все основные свойства его характера.

Гамлет крайне, чрезмерно восприимчив. Поступок матери, ее поспешный брак после смерти мужа с братом покойного — поступок, который в каждом из нас в крайнем случае вызвал бы только умеренное порицание, — доводит Гамлета до злости, до отчаяния. В нем возникает ненависть к отчиму, ненависть к матери, еще шаг, и эту ненависть он переносит уже на женщин без исключения, имя которым «ничтожество».

Гамлет пессимист от природы. Мрачное настроение духа, резкая ненависть к человечеству, отвращение от жизни, выражающееся в желании умереть, все это в молодом, полном жизни и силы человеке, каким является Гамлет, не может быть вызвано одним только браком матери. Почва для такого настроения должна была в нем существовать уже раньше, издавна. Жизнь давно уже тяготит его без всякой внешней, заметной для нас причины и никогда не казалась ему светлым, солнечным днем. Некоторые критики утверждают, что Гамлет до брака матери находился в состоянии «естественного равновесия», из которого он выведен внезапным событием, браком матери. Но такой вывод произвольный, так как об этом состоянии равновесия, в котором Гамлет будто бы находился еще перед началом самой драмы, нигде не говорится. В действительности брак матери только укрепляет и усиливает в нем существовавшее уже раньше мрачное настроение, обусловленное его прирожденным пессимизмом.

Гамлет питает глубокое отвращение ко всякому притворству, всякой лжи и неправде. Он ясно говорит, почему он лишился уважения к матери, этого священного в каждом человеке чувства. Мать его после смерти отца горевала и плакала; печаль ее казалась неутешимой. Но вот прошел месяц, и она уже кидается в объятия другого. Оказывается, что ее слезы, ее горе и даже ее любовь к мужу в действительности были притворными. Слезы, пролитые ею по смерти мужа, — «притворные» слезы.

Природа одарила Гамлета волшебным даром ясновидения. Он отлично понимает, что дело здесь не в одном браке матери. Под этим наскоро заключенным браком скрывается, по мнению его, что-то недоброе, что-то другое, сокрытое от глаз всего света. Этот брак носит в себе зародыш дальнейших, великих, бедствий. «Здесь нет добра, и не будет его!» — пророчески восклицает он. Он уже ненавидит своего отчима, хотя об убийстве и преступлении еще ничего не знает. Он чувствует приближение грозы, когда небо еще ясно и когда окружающие лица о ней и не думают. И все эти дурные предчувствия Гамлета блестяще подтверждаются дальнейшими событиями драмы. Дар ясновидения — это преимущество Гамлета перед всеми другими и — скажем здесь же — его проклятие.

Таков в общих чертах характер Гамлета.

Питая отвращение ко всякой лжи и неправде, обладая в то же время даром ясновидения, Гамлет видит ложь, притворство и фальшь там, где они для простого человеческого глаза незаметны. Его взгляд проникает в человеческую душу, в тайники ее, видит все скрытые от других изгибы этой души и останавливается преимущественно и притом с некоторым злорадством на отрицательных свойствах человеческого характера, на человеческих слабостях.

Когда Гамлет приходит в спальню к своей матери, он ей открыто и прямо объявляет цель своего прихода.

Ты с места не сойдешь,
Пока я зеркало тебе не покажу,
В котором ты свою увидишь душу.

Это зеркало Гамлет показывает не только своей матери, но и королю, и Офелии. И все эти лица при виде этого зеркала содрогаются и с ужасом узнают самих себя, видят в этом зеркале свою собственную душу, неприкрытую ничем — ни улыбкой, ни придворной лестью, ни внешним, напускным достоинством.

Во время драматического представления король Клавдий, видя перед собой совершенное им самим злодеяние, внезапно встает и, не говоря ни слова, быстро удаляется в свои покои. Здесь, оставшись наедине, он сразу сбрасывает ту маску, которую он так долго носил перед всеми, и совесть, долго в нем подавленная, вдруг заговаривает.

Смрад моего греха доходит к небу;
 На мне лежит древнейшее проклятие —
 Убийство брата.

Кидаться на своего врага с кинжалом может всякий. Для этого не требуется ни ум, ни ловкость, ни нравственная сила. Мы знаем, что и Гамлет это отлично умеет. Но влиять на своего врага так, чтобы в нем, в закоренелом, бездушном злодее, заговорила совесть, чтобы в нем совершился цельный нравственный переворот, чтобы совесть его до того спокойная, превратилась в «когтистого зверя, скребущего сердце», — это высшее назначение мстителя, это в то же время самая величественная и возвышенная месть.

В разговоре со своей матерью Гамлет с демонической злобой изображает перед нею ее жизнь в самых отвратительных красках — ночью, в постели, в объятиях сладострастного кровосмесителя, — он безжалостно объясняет ей, что она, несмотря на преклонный возраст и жизненный опыт всегда и везде повиновалась только одному — чувственности, грубому, животному инстинкту. Каждое слово Гамлета, как кинжал, попадает в его несчастную жертву. И королева, слыша эти слова, видя перед собой это зеркало, в котором изображена ее душа, приходит в ужас и страх; она умоляет сына молчать:

Умолкни, Гамлет! В глубь моей души
 Ты обратил мой взор: я вижу пятна;
 Их черный цвет впитался так глубоко,
 Что их не смыть волнами океана.

Этих черных пятен королева раньше никогда не замечала и ничего о них не знала. Как король, так и она начинает сознавать свою слабость и порочность. Смысл древнегреческого изречения γυῖνι σαῦτον — «узнай самого себя!» становится ясным. Узнать себя очень трудно в жизни. В жизни ложь, месть и притворство на каждом шагу. Все несовершенства искусно прикрываются и становятся незаметными. В жизни короля все считают за умного, мудрого правителя, королеву за любящую жену и нежную мать. И Гамлет, один только Гамлет, может довести этих лиц до сознания своего ничтожества. Только он один видит сокрытые от всех черные пятна в их душе.

Обращаясь к Офелии, Гамлет говорит: «Бог дает вам лицо, а вы делаете себе другое, вы пляшете, вертитесь, шепчете, созданиям Божиим даете имена в насмешку... и выдаете вашу чувственность за незнание». Здесь опять Гамлет попадает в больное место. В этих немногих словах, удивительных по их силе и яркости, но, к сожалению, всегда неверно переводимых, выжжено как раз то, что в наше время понимают под словом «кокетство». И под внешней оболочкой этого кокетства, этой

невинной, чарующей девичьей прелести, Гамлет видит то, что лежит в основании ее, то, чем женщина живет и дышит, — чувственность.

На первый взгляд может казаться, что по отношению к Офелии такой взгляд чересчур мрачен. Но дальнейший ход драмы вполне подтверждает пессимизм Гамлета. Офелия сходит с ума: в состоянии умственного расстройства маска, которую она постоянно носила, падает, все ее тайные мысли всплывают наружу, и она, нисколько не стесняясь, к ужасу всех окружающих ее придворных, поет циническую песню о молодце, впустившем к себе в комнату деву, но выпустившем ее уже не девой.

Но в драме выступают еще и другие лица, Полоний, Розенкранц, и Гильденштерн. Как относится к ним Гамлет?

Мы знаем не только из «Гамлета», но и из других драм Шекспира, что придворная жизнь внушила ему полное отвращение. В «Зимней сказке», в «Цимбелине», в «Как вам понравится» двору с его фальшью и неестественностью противопоставляется жизнь в лесу, на лоне природы, где везде царствует простота и мир, правда и откровенность. При дворе это не так; здесь постоянная борьба; всякий преследует исключительно личные выгоды, для достижения которых он всячески угрождает сильным мира сего. При дворе царствует лесть, обман и лицемерие. Датский двор в этом отношении не составляет исключения. На престоле восседает король-убийца, тщательно скрывающий от всех совершенное им злодеяние. Его самый близкий человек, Полоний, — сплетник, льстец и шпион. Не довольствуясь им, король приглашает ко двору Розенкранца и Гильденштерна, просит их наблюдать за Гамлетом, следить за каждым его движением, передать ему немедленно все, что они заметят, быть услужливыми шпионами, каковую роль они охотно исполняют. Все эти лица притворяются, их «язык медовый лижет прах с презренного богатства», вся их натура состоит из фальши и лжи, и поэтому Гамлет их ненавидит. Убив нечаянно Полония, он говорит: «Прощай презренный, навязчивый глупец! Прими свою судьбу! Ты видишь, быть слишком *деятельным* — это опасно». На вопрос Горацио, неужели Розенкранц и Гильденштерн погибнут, Гамлет отвечает:

Они получают то, к чему пошли
Навстречу сами! Гибель их нимало
Мою не мучит совесть. Их сгубило
Излишнее желание *подслужиться*.

Гамлет видит в смерти этих лиц не несчастный случай, а заслуженную кару. Они подслуживаются, слишком много действуют. Гамлет простил бы им всякую другую слабость, но этой не прощает.

Тот же Гамлет бескорыстной дружбой привязан к Горацио: в этом бедном, незнатном человеке он высоко ценит правдивость и честность. Он дружественно беседует с простыми солдатами, радушно принимает актеров, называет их своими друзьями. Прекрасны его слова:

И сколько бедный человек, как Гамлет,
Вам может оказать любви и дружбы,
Он вам окажет их, Бог даст.

Гамлет любит всех хороших, правдивых и честных людей. Но он беспощаден и жесток там, где чуется ложь и лицемерие.

И здесь мы получаем ответ на поставленный нами вопрос.

Гамлет в действительности с начала драмы до самого конца ее стремится не к мести, а к совершенно другой цели — к изобличению лжи и неправды в окружающей его среде.

Вместо Гамлета слабого, неэнергичного, неспособного к действию, вместо книжника, погрязшего в философских аксиомах, не знающего и не понимающего жизни, перед нами Гамлет в полном обаянии своей великой этической миссии, состоящей в изобличении лжи, неправды и порока везде, где бы они не проявлялись.

Изобличая окружающих его лиц, Гамлет следует упомянутым уже выше основным свойствам своего характера. Он делает это отчасти сознательно, отчасти даже бессознательно.

Если он не мстит, то не потому, что он был неспособен к мести, а потому, что он *пренебрегает* этой, возложенной на него задачей, а сам следует другой цели, которая в его глазах более высокая.

Все разоблачения его покойного отца о гнусном убийстве, совершенном королем Дании, не подстрекают его к мести, как принято думать, а только дают пищу, дают богатый материал природному свойству его характера — стремлению к изобличению лжи и неправды. Это стремление усиливается, находит под собой почву и разрастается до страшных размеров.

Когда тень отца его перед ним исчезает со словами: «Прощай, прощай и помни обо мне!» — он, оставшись наедине, берет свой бумажник и записывает в нем: «Можно улыбаться, улыбаться — и быть злодеем». Тень покойного отца не для того вышла из могилы, чтобы высказать эту, как Гамлету, так и всему миру, давно известную истину. Но Гамлет субъективно, чисто лично толкует слова отца, и от всего столь страшного в своих подробностях рассказа отца в его воображении остаются только преступная женщина и улыбающийся злодей. О мести он не говорит ни слова. Его интересует одно — улыбающийся злодей. Все свои усилия он направляет на то, чтобы сорвать с этого злодея маску и выставить его во всей своей отвратительной наготе, о чем отец его вовсе не просил; при этом он жестоко нападает на свою мать, которую отец просил его не трогать.

Во втором действии он патетически восклицает: «Месть!» Но, воскликнув это*, он тотчас же спохватившись, взывает к своей голове

---

* В переводах это слово почему-то пропускается.

и обдумывает хитрый план драматического представления, цель которого опять-таки изобличение «улыбающегося» злодея.

Изобличение это удастся как нельзя лучше. Тогда Гамлет отправляется к матери, к преступной женщине, с твердым намерением изобличить ее также, но воздержаться при этом от всяких насильственных действий, и вдруг видит перед собой своего врага — в молитве. Момент благоприятный. Но ведь он ополчился против злодея — коварного, хитрого, улыбающегося злодея, а перед ним злодей — молящийся Богу, кающийся грешник. Тогда он чувствует, что в душе этого человека, стоящего перед ним на коленях, в этот момент происходит нечто великое, возвышенное, перед которым на время должны смолкнуть ненависть и вражда. Не неспособность к мести, а уважение к молитве заставляет его вложить свой меч обратно в ножны и оставить врага живым. Такие мысли делают ему честь. Их не следует ставить ему в укор.

Короля молящегося Гамлет убивать не решается. Но короля-отравителя, короля-убийцу он убивает без всяких колебаний.

Если он долгое время воздерживается от мести, то потому, что он ее не желает. Но нежелание не есть неспособность. Главная ошибка литературной критики в том и состояла, что нежелание действовать смешивалось ею с неспособностью к действию.

«В герое нет плана, но в пьесе есть план», — сказал Гёте⁴. Мы со своей стороны видим в действиях Гамлета один план: неуклонное, беспощадное бичевание лжи, притворства и неправды. Личность его есть пропасть против этих пороков.

Гёте говорит, что на Гамлета его покойным отцом возложена «великая задача»⁵. Может быть, кровавая месть и есть великая задача. Но та задача, которую взял на себя Гамлет, еще выше, ибо, исполняя ее, Гамлет является не только мстителем, но и судьей. Убийство короля есть физический подвиг, изобличение его — нравственный подвиг. Гамлет совершает и тот, и другой.

Гамлет равным образом одарен физически, нравственно и умственно. Так смотрел на него и сам Шекспир, и как бы для того, чтобы отнять у нас последнее сомнение в его способностях и его силе, он заканчивает драму словами:

Он все величие царское явил бы,
Когда б остался жив.